

Поэт, которого критик почти не приметил даже в 1920-ом году, оказался в 21-ом не только большим поэтом, но—конечно—и пророком. Пророком чего?

Разумеется, русской революции 1917-го года. «Великая революция и Блок—пророк ее», возглашает критик (стр. 4).

Как все это просто!

Популярно — критический набросок Львова-Рогачевского ценен, как живой, импрессионистский — непосредственный, эмоционально-лирический, тепло-душевный, мягко-интеллигентский отклик на смерть поэта. Это подкупает.—И только.

Рассчитан этюд на широкую, но не взыскательную аудиторию. Подход — социологический, но неопределенно-социологический (не марксистский). Элемент анализа почти отсутствует. А между тем Блок дает порою богатый материал именно для марксистского анализа, хотя бы Блок 1905—1906 г. («Нечаянная Радость», «Балаганчик», «Король на площади»). Термин «пророк» взят уже в слишком широком смысле, повторяется уже слишком часто и... дешевеет с каждой страничкой.

Трактовать Блока, как «светлого Пророка» русской революции и противополагать его «мрачному пророку» ее—Достоевскому, значит, бесконечно упрощать тот сложный, полный внутренних противоречий, почти «надрывный» подход к революции 1905 и 1917 г. г., какой дан в соответствующих местах у Блока «Король на площади», «Двенадцать», «Скифы», «Россия и интеллигенция»).

Совсем неубедительно звучит поспешный вывод: Блок не декадент (против Чулкова), а поэт варварской и нежной России (стр. 41); Блок—поэт не упадка, а восхода (стр. 43).

Подлинный Блок — конечно — и то, и другое. Прошедшее и грядущее, старый мир и мир новый вели в душе поэта мучительно-длительный и тяжелый спор; отношение к революциям пятого и семнадцатого года неминуемо оказывалось двойственным. Пора это признать.

Брошюра Львова-Рогачевского написана на скорую руку, дилетантски многословно, провинциально — неряшливо.

Есть искажения блоковского текста: «музыкальный номер» (стр. 19) вм.

«музыкальный напор» «благоуханной тишию» (стр. 32) вм. «Благоуханной глушью».

Есть и прямая ошибка:

«Соловьевский сад» отнесен к 1918 г. и назван «лебединой песнью» поэта (вернее не лебединая, а соловьевская песня—глубокомысленно поправляется критик, стр. 24).

В этом 1918 г. А. Блок резко и неоднократно подчеркивает самую тесную связь поэта с эпохой. В особенности ярко, в изумительной поэтической форме, с редкой красотой и прежней нежностью «не от мира сего» пропел об этом Блок в своем лучшем произведении: «Соловьевский сад» (стр. 24). «Эта поэма была написана в 1918 г.»—упорствует (стр. 27) критик.

Увы! Быть «лебединой» песнью поэта или подчеркивать «самую тесную связь» с эпохой 1918 года «Соловьевский сад» никак не может по той простой причине, что написан он 14 октября 1915 года. И «социологический» анализ, построенный (стр. 24—27) на этом произвольном датировании,—оказывается мнимым.

Д. Цинговатов.

ЧЕХОВ. Новые письма (из собраний Пушкинского Дома) под редакцией Б. Л. Модзальевского. Атеней. 1922. 160 стр.

Как и следовало ожидать, шеститомное собрание писем А. П. Чехова постепенно дополняется новыми эпистолярными материалами. В симферопольском сборнике «Отчизна» мы встретили связку писем Чехова; в частных собраниях и государственных архивах хранятся его письма; в Петербурге готовится большой том писем Чехова к О. Л. Книппер. Атенейский томик дает полсотни новых писем за разные годы (от 1888 до 1904 к разным лицам—к И. Л. Леонтьеву, В. Л. Кигну-Дедлову, А. Ф. Марксу, П. А. Сергеенко и др. Снабженные обстоятельными объяснительными примечаниями редактора, письма дают не мало значительных подробностей литературной и биографической истории Чехова.

В 1888 году он признается: «театра я не люблю», «для сцены у меня нет люб-

ви», «страсти» и «труда в писании водевилей не видел и считал, что для него будет достаточным, если «во всю свою жизнь с грехом пополам нацарапает с десяток сценических безделок»; ему было «стыдно» «за своих Медведей». Он испытывал «утомление и скучу громаднейших размеров» от работы над подобными пьесками. Одна из них — «Сила гипноза» осталась незавершенной. Нелишне отметить, что «Иванова» Чехов называл «Болвановым» (в письме 18 марта—1889). Так мало ценил в себе Чехов в начале драматургическую жилу, отдаваясь в водевилях молодому задору, желанию выдвинуть, по его словам, тру-ла-ла. Биограф и исследователь творчества Чехова многое извлекут из письма В. Л. Кигну от 10 ноября 1903: «я все похварываю, начинаю уже стариться, скучаю здесь в Ялте и чувствую, как мимо меня уходит жизнь и как я не вижу много такого, что, как литератор, должен бы видеть. Вижу только и к счастью понимаю, что жизнь и люди становятся все лучше и лучше, умнее и честнее—это в главном, а что помельче, то уже слилось в моих глазах в однокрасивое, серое поле, ибо уже не вижу, как прежде».

Письма к А. Ф. Марксу от 1899 года знакомят с процессом отбора из разбросанных в многочисленных газетах и журналах сочинений для «нивского» издания; продажу своих сочинений издателю «Нивы» Чехов считал «неудачной» и писал В. Л. Кигну 24 января 1904 года: «Что вам за охота закабалять свои сочинения, повторять ту же ошибку, которая заставляет меня теперь ежеминутно почесываться. Не проще ли самому издать свои сочинения».

Большинство писем касается внешней стороны жизни Чехова, изредка перерываясь юмористическим штрихом, роднящим стиль письма с поэтическим этюдом.

Н. Бродский.

РАДУГА. Альманах Пушкинского Дома.
Петербург 1922. 308 стр.

По прекрасному слову А. Блока, «имя Пушкинского Дома в Академии Наук», действительно, становится «знакомым и родным для сердца звуком». Книга за кни-

гой появляются на рынке с этим именем, всегда ценные и желанные для словесника. «Радуга» дает не мало любопытного историко-литературного материала за XVIII—XIX века. Среди рукописных реликвий Пушкинского Дома оказались документы, связанные со всеми литературными именами, крупными и менее заметными. Державин, Радищев, Жуковский, Дельвиг, Пушкин, Карамзин, Дмитриев, Кюхельбекер, Коншин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Писемский, Некрасов, Достоевский, Чехов, Мей, Никитин, А. Жемчужников, Л. Толстой, Майков, Гаршин—представлены в «Радуге» кто письмом, кто отрывком из начатого художественного труда, кто неизвестным произведением, интимной исповедью, стихотворной шуткой.

Не все здесь одинаково ценно, кое-что уже стало известно (напр., отрывки из речи Достоевского о Пушкине, стихотворение Пушкина «Царское Село»), но есть подробности или важные для понимания того или иного писателя, или вообще небезинтересные. Прежде всего хочется отметить письма И. С. Тургенева к Писареву и ответное письмо критика по поводу «Дыма». Напечатанные письма вносят существенные поправки в историю знакомства автора «Отцов и детей» с сотрудником «Дела». Ускользнувшие от регистрации в известном библиографическом указателе С. Петрашкевич, оставшиеся без упоминания и у Е. П. Казанович, автора примечаний к переписке Тургенева и Писарева статья П. Мартынова «Три встречи. II. Встреча И. С. Тургенева с Д. И. Писаревым» («Исторический Вестник» 1885 XI) и книга П. П. Суворова «Записки о прошлом» (ч. I, М. 1899, стр. 100—104) рисуют всю историю совершенно в другом виде, что любопытно, между прочим, потому, что П. Суворов ведет рассказ от лица Писарева. Для биографии Тургенева первостепенный интерес имеют его «молитвы», написанные в каноническом стиле и, по верному объяснению Л. С. Утевского, явившиеся в годы мучительной болезни, так удручавшей его в 1856—1857 г.г. Психологическая мотивация Л. Утевского нас не совсем удовлетворила: молитвы не были только криком отчаяния, малодушной попыткой